

Александр
Мещеряков

Природный фактор, нация и национализм

Сакура – символ Японии. Теперь кажется, что так было всегда. Но это не так, вернее, не совсем так. Сакура действительно издавна занимала важное место в японской культуре. Если сакура цветёт пышно – значит быть хорошему урожаю. Так считали крестьяне. Аристократы, проживавшие в «столице мира и спокойствия» Хэйане (Киото), не имели никакого отношения к производственному процессу и полагали, что сакура просто красива. Они считали цветущую сакуру первой по красоте и постарались сделать так, чтобы именно в столице имелись самые замечательные сакуры.

Роман «Гэндзи-моногатари» («Повесть о принце Гэндзи», конец XII в.) придворной дамы Мурасаки-сикибу впервые ввёл в оборот термин *хана-но мияко* – «столица цветов», под которой автор разумела Хэйан. А под «цветами» тогда разумелась именно сакура. Сакура, цветущая в столице. Сакура цвела по всей Японии, но только утончённые аристократы могли по-настоящему оценить её красоту.

Цветут и тут же опадают,
Землю устилают цветы
Уходящей весны.
Уходишь? Вернёшься и ты
В столицу цветов.

Александр Николаевич
Мещеряков – доктор
исторических наук, ведущий
научный сотрудник
Института восточных
культур и античности РГГУ.

Именно среди придворных Хэйана, свободных от ежедневных забот о собственном пропитании, родилось уподобление человеческой жизни быстротечности цветения сакуры. Жизнь каждого отдельного человека казалась короткой, но сакура цвела и цвела каждый год, что придавало коллективной жизни известную остойчивость. «Столица»

Утагава Хиросигэ-III. Император Мэйдзи в парке Уэно. 1881.

и «сакура» оказались соединены воедино клейким поэтическим словом.

Но вот наступили совсем другие времена. В 1868 г. император Мэйдзи оставил Киото и переехал в Токио. Столица теперь находилась там. И она не могла остаться без сакуры. И тогда сакуру стали насаждать и в новой столице. Её сажали там, где набирающая силу вестернизация была наиболее заметна. Её сажали затем, чтобы вековые традиции смягчили бы разрушающие национальную культуру последствия вестернизации. Сакуре была уготована важнейшая роль – уравновешивать новое традиционным. Сакура становилась национальным символом – недаром на первых японских марках представлен орнамент из цветов сакуры.

После пожара, уничтожившего в апреле 1872 г. в токийском районе Гиндза 4800 деревянных домишек, на их месте принялись строить первую в Японии улицу, все дома на которой были каменными – чтобы всё там было так, как в европейских столицах. Это был не только архитектурный, но и противопожарный эксперимент: слишком часто огонь наносил ущерб деревянному городу. Реконструкцию квартала поручили английскому архитектору Томасу Уотерсу, который до этого уже успел построить здание монетного двора в Осака и казармы в токийском районе Такэбаси. К концу 1873 г. Гиндза была застроена двухэтажными каменными домами с колоннами и балконами. Это была первая в Японии улица с тротуарами, её ширина составляла 27 метров! Вечером зажигались газовые фонари, по улице пустили омнибус. В представлении тогдашних японцев здания Гиндзы напоминали Лондон, а мостовые с тротуара-

ми – Париж. Но промежуток между тротуарами и проезжей частью засадили не парижскими каштанами, а сакурами и соснами. Сосны считались символом вечности, их зелень уравновешивала эфемерный розово-белый цвет стремительно облетающих сакур.

Засадили сакурами и токийский парк Уэно. Это был первый в Японии парк европейского типа, предназначенный для гуляния и отдыха. Раньше на этом месте располагался буддийский храм, но он был уничтожен во время гражданской войны 1868 г. Парк засадили сакурами, которые быстро сделали местной достопримечательностью. В парке построили и ипподром.

В то время огромной популярностью пользовалась цветная гравюра *нисики-э* (буквально «парчовые картинки»). Художники были людьми простыми, и их произведения отражают народные представления того времени. Листы *нисики-э* до определённой степени играли роль газеты – художники изображали важные события в жизни страны. Однако зачастую они изображали совсем не то, что происходило на самом деле, а то, что должно было происходить. Часто их работы предшествовали событию, и тогда они играли роль афиши.

Церемония открытия первого в Японии ипподрома, безусловно, относилась к разряду важных событий. Достаточно сказать, что на ней присутствовал сам император Мэйдзи. Японская кавалерия сильно уступала западной, и с помощью ипподрома власти надеялись показать обществу, какие скорости способны выдавать европейские скакуны. Чтобы знать, кого следует догонять.

Открытие ипподрома состоялось 1 ноября 1884 г. Казалось бы, самое время любо-

ваться клёнами. Но поскольку за парком Уэно уже прочно закрепилась слава места, знаменитого своими бесподобными сакурами, художник счёл возможным изобразить на заднем плане эти сакуры цветущими, хотя каждому известно, что цветут они в конце марта – начале апреля. Это была древняя логика, присущая японской поэзии, когда за каждой местностью закреплялся постоянный эпитет (*макуракотаба*). При упоминании в стихотворении местности этот эпитет был «обязан» встать в фразеологическую пару рядом с топонимом. И тогда время года оказывалось ни при чём. Так получилось, что на гравюрах, где изображался парк Уэно, сакуры цвели круглый год.

Для того чтобы противостоять цивилизационному напору западных стран, японские власти в спешном порядке приступили к конструированию национального государства. Ведь до этого времени, при сёгунате Токугава, страна представляла собой лоскутное одеяло из двух с половиной сотен княжеств. А для создания единого государства и единой нации были нужны общенациональные символы. Японцы стали искать опору в своей истории и природе. Ведь история и природа любой страны как нельзя лучше соответствуют главному требованию национальной культуры – уникальности.

В начале 1888 г. группа молодых людей образовала общество «Сэйкёся» («Общество политического обучения»), которое приступило к изданию журнала «Нихондзин» («Японцы»). Оголтелым западникам, позиции которых в то время были достаточно сильны, он противопоставил поиск национальной идентичности. Основными идеологами журнала

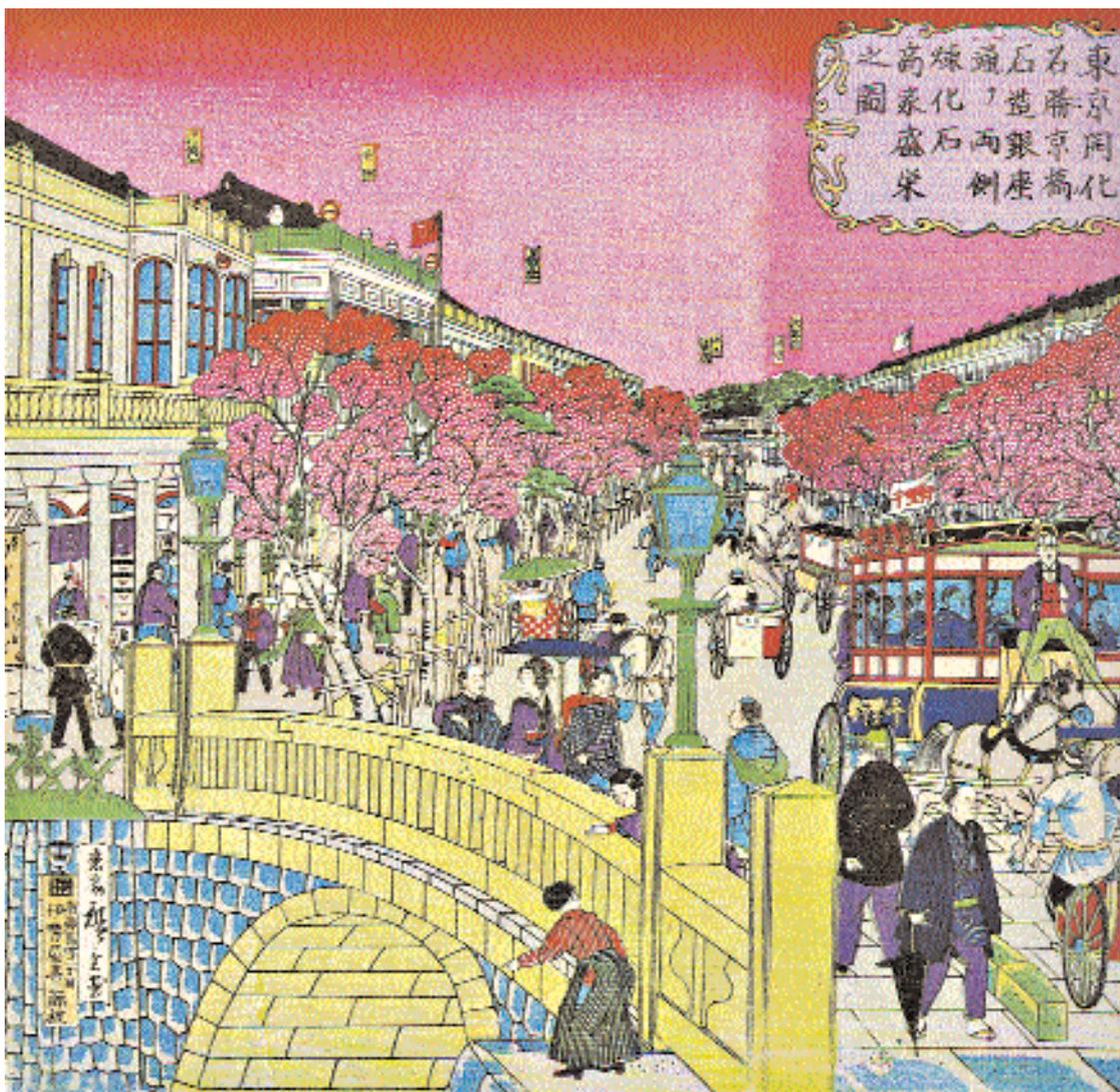
выступили Миякэ Сэцурэй (1860–1945), Сига Сигэтака (1863–1927) и Куга Кацунан (1857–1907).

Происходившее в это время стремительное изменение стиля жизни привело к тому, что между молодёжью и старшим поколением образовался серьёзный разрыв. Столичная молодёжь читала европейскую литературу и игнорировала свою. Она одевалась в сюртуки и пренебрегала кимоно. «Японское» для неё было символом отсталости. Знаменитый журналист Токутоми Сохо (1863–1957) придерживался прозападнических взглядов и уподоблял тогдашнюю молодёжь сиротам, лишённым руководства со стороны родителей. «Японцы» же объявили родителей в розыск. Токутоми носил костюм – члены «Сэйкёся» одевались по-японски. Не отвергая необходимости заимствований с Запада, они отрицали тезис, что японцы должны ограничиваться копированием иноземных образцов, поскольку это путь в никуда. Имитация означает смерть национального духа: Рим погиб из-за подражания Греции, Корея утратила самостоятельность из-за китаизации. «Японцы» отвергали мнение, что в Японии нет и не может быть ничего хорошего. Отправным пунктом их построений сделались физическая география и природные условия страны.

Это был умный ход. Природные условия всякой страны хороши тем, что они уникальны. Сига Сигэтака твердил о том, что земля Японии отличается «неповторимой красотой». Миякэ Сэцурэй восторгался японским изобразительным искусством. Поскольку одним из его основных объектов изображения является природа, то природа и искусство составили замечательную

Тоёхара Тиканобу. Императорский выезд на реку Сумидагава для любования сакурой. 1887.

Утагава Хиросигэ III. Плоды просвещения в Токио. Каменный мост Кёбаси,

идеологическую пару, на которой покоилось то здание, к возведению которого приступили «японцы».

Их почин был подхвачен на самом высоком уровне, и в 1892 г. вышел новый школьный учебник истории. Он назывался «Тэйкоку сёси» («Краткая история империи») и начинался такими словами: «В мире есть много стран, но Япония – самая лучшая. Климат здесь не слишком жаркий и не слишком холодный, почвы – плодородные и рождают много чая, риса и тутового дерева. С древних времён наш народ высоко ценил почтительность, отличался глубоким верноподданничеством и никогда не был унижен другими странами. С самого начала истории и до дня нынешнего наша императорская династия не прерывалась и постоянно процветала. Нигде больше нет такой прекрасной страны, как наша. Нам повезло, что

мы родились в этой стране. Будучи осчастливлен тем, что родился здесь, ты должен хорошенько выучить события, произошедшие в этой стране».

Ни одно из этих утверждений, за исключением того, что в Японии выращивается много чая, риса и шелковицы, либо не соответствует действительности, либо требует существенных оговорок. Однако к произведениям такого рода вряд ли применимо требование достоверности. Речь шла о воспитании веры в себя, веры в японцев. А веру невозможно обосновать с помощью рационалистических доводов, она апеллирует к чувству, а не к факту.

Вместе с началом японо-китайской войны (1894–1895) национальное и поэтическое чувства вступают в период особого обострения.

В 1894 г. страна зачитывалась новой книгой Сига Сигэтака «Японский ланд-

а также каменные и кирпичные здания процветающих магазинов по обеим сторонам улицы Гиндзы. 1874.

шафт» («Нихон фукэй рон»), автор которой обратил к своей любимой теме, доказывая, что японцам следует гордиться уникальной средой обитания. По мнению Сига, на японской земле представлены самые разные климатические зоны, что создаёт благоприятнейшие условия для самых разнообразных видов растений и животных. Обильные осадки способствуют плодородию почв. Вулканы создают неповторимые ландшафты. В каком другом месте земного шара клёны так ярки? Где вы найдёте гору, сравнимую с Фудзиямой? В какой ещё стране сакура цветёт так красиво?

В то время многие японцы были недовольны олигархическим правительством, болтливым парламентом и своей бедной жизнью. Но никто не возражал против того, что природа в этой стране красива. Война и эстетическое чувство сплачивали нацию.

Естественно, подавляющее большинство японцев того времени никогда не выезжало за пределы своей страны. А потому им не оставалось ничего другого, как принять на веру утверждение о том, что лучше сакуры на свете ничего нет. Именно в это время в обществе распространяется абсурдное убеждение, что поэзия получила в Японии такое развитие, поскольку в ней, в отличие от других стран, превосходно выявлены четыре времени года. В структуре японского национализма «экологическая» составляющая занимала выдающееся место.

В 1900 г. сын Мэйдзи, принц Ёсихито (будущий император Тайсё), сочетался браком с аристократкой Садако. Церемонии их бракосочетания придавалось огромное значение. Утром 10 мая перед началом публичных церемоний Ёсихито и Садако, облачённые в традиционные

одежды, молились в императорском дворце синтоистским божествам. Получив санкцию божеств, молодожёны переоделись в европейское платье и покинули императорский дворец. На площади их встречала огромная толпа. В течение 20 минут экипаж не мог двинуться к дворцу наследного принца, где ему должны были принести поздравления сановники. Уже вдогонку Мэйдзи послал сыну орден Хризантемы. Собственно говоря, это был не орден – Ёсихито ещё не успел ничего совершить. Это был значок, свидетельствующий, что Ёсихито прошёл очередной этап жизненного цикла будущего монарха. В четыре часа пополудни состоялся праздничный банкет. Для участия в нём молодожёнам снова пришлось вернуться во дворец Мэйдзи. На банкет прибыло свыше двух тысяч человек.

А как отмечали знаменательный день на местах? В честь этого события во всех префектурах сажали сакуру. Сакура прочно соотносилась с праздником, императорской фамилией и нацией. Нация сажала сакуру, чтобы запомнить мирный день свадьбы Ёсихито.

Однако японо-русская война превратила мирную сакуру в милитаристский символ. Сразу после начала войны в Японии ввели государственную табачную монополию. Качество табака немедленно упало. Зато в магазинах появились новые сорта патриотических сигарет: «Сикисима» (одно из древних названий архипелага), «Ямато» (древнее название Японии), «Асахи» («Утреннее солнце» – символ «Страны восходящего солнца») и, наконец, «Ямадзакура» («Горная сакура»). Всякому курильщику немедленно приходили на ум стихи идеолога всего «чисто японского» Мотоори Норинага (1730–1801):

Если спросят тебя
О сердце Ямато-страны
На островах Сикисима,
Ответь: запах сакуры
Под утренним солнцем.

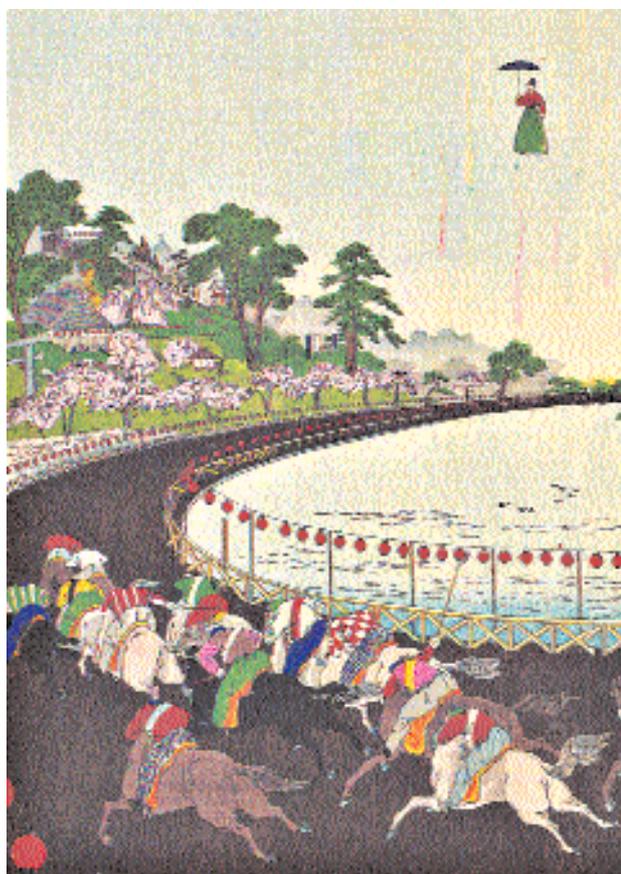
Каждый курильщик был когда-то школьником. Каждый школьник был обязан помнить, что между сакурой, патриотизмом и верноподданничеством существует прямая связь, на которую указывал школьный учебник: «Прекрасные и изящные цветы нашей сакуры не имеют себе в мире равных. В своём желании следовать путём верноподданничества наши предки были смелыми, сострадательными, честными, верными и настой-

чивыми; другие страны не знают ничего подобного».

Так получилось, что сакура стала работать на нацию и национализм. Учебники противопоставляли сакуру «королю китайских цветов» – пиону (символ процветания и знатности) и «королеве цветочной Европы» – пышной и пахучей розе. Сакура ассоциировалась с чистотой – чистотой помыслов и дел. Лишённый любви к сакуре не мог носить звание настоящего японца. Цветом японца был объявлен белый. Теперь быстротечность цветения сакуры ассоциировалась не просто со скоротечностью жизни, а с готовностью к немедленному самопожертвованию во имя императора и его Японии. В экстренных выпусках газет времён японо-русской войны печатались на первых страницах рисованные портреты героев в обрамлении цветов сакуры. На вышитых золотой нитью погонах адмиралов красовалось три цветка сакуры (в сухопутных войсках знаком различия служили пятиконечные звёзды).

Япония выиграла эту войну не только благодаря победам на фронте. В России японцы имели разветвлённую агентурную сеть, командование получало де-

Тоёхара Тиканобу. Открытие ипподрома в Уэно. 1884.

тальнейшие сведения о дорогах, коммуникациях и дислокации российских воинских частей. Японская разведка активно закачивала в российских социалистов, известных своими антивоенными «пораженческими» настроениями, деньги и оружие. Особенно большую роль сыграл в этом отношении полковник Акаси Мотодзиро (1864–1919). Именно он заслал в полыхавшую революционным пожаром Россию два корабля с оружием, предназначавшимся социалистам. Один из них пришёл в Балтийское море, другой – в Чёрное.

После окончания русско-японской войны Акаси представил доклад о своей деятельности в Европе и России. Он назвал его совсем не по-шпионски: «Ракка рюсуй» («Опавшие цветы и поток воды»). Опавшие цветы – это всё та же сакура. В традиционной Японии это выражение трактовалось как метафора сострадания и любви: влюблённый цветок-мужчина падает вниз, а вода принимает его в свои объятия. Он, разведчик Акаси, «упал», словно цветок, в воды мирового океана, которые оказались благосклонны к нему и его подрывной деятельности. Акаси был не

только шпионом. Он был ещё поэтом и художником. Поэтом и художником Великой Японской Империи.

Вторая мировая война не отменила идеологическую функцию сакуры. Предназначенные для воинов-камикадзе летательные аппараты одноразового использования назывались «цветок сакуры». Когда Вторая мировая война уже подходила к концу, перед своим последним полётом пилот-смертник младший лейтенант Окабэ Хэйити сочинил:

Нам бы только упасть,
Словно весенняя сакура –
Лепестки так чисты и сияющи!

В отличие от Запада, где державность рядится в перья и шкуры хищников (орёл, лев, тигр), в Японии господствовал растительный код национализма и милитаризма. Но от этого он не становился более гуманным. Только послевоенное время, когда японцы вновь зажили мирно и стали считать мир, а не войну, главной ценностью, вновь вернуло гуманность цветку сакуры. Сакура вновь стала восприниматься как символ весны, красоты и мира.

Иллюстрации из книги: Japan at the Dawn of the Modern Age. Boston, 2001.

